

Ариэль Вернер

ЛАБИРИНТ
ДУШИ

— Книга 1 —

Ариэль Вернер
Лабиринт Души. Книга 1

«Автор»

2026

Вернер А.

Лабиринт Души. Книга 1 / А. Вернер — «Автор», 2026

Ариэль жила обычной жизнью, пока зеркала не начали показывать то, чего быть не должно. Сначала треснули ощущения, потом стекло, а затем и сама реальность. Она сталкивается с Лабиринтом - местом, где память, страхи и желания становятся испытаниями. Рядом с ней оказываются два проводника: Михаэль, требующий дисциплины и света, и Левиан, который принимает тьму как часть целого. Но Ариэль быстро понимает: выбор не между ними. Выбор - кем она станет, когда Лабиринт потребует плату. Тени приходят раньше срока. Двери открываются сами. А ошибка может стоить не только жизни, но и души. «Лабиринт Души. Книга 1» - первая часть мистического фэнтези о силе, любви, внутренней тьме и цене решения, которое уже нельзя отменить.

© Вернер А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

## ПРОЛОГ	5
## ГЛАВА 1. ПЕРВЫЕ ЗНАКИ	6
## ГЛАВА 2. СНЫ, КОТОРЫЕ ПЕРЕШЛИ ГРАНЬ	7
## ГЛАВА 3. КОГДА МИР СТАЛ ОТВЕЧАТЬ	9
## ГЛАВА 4. ПЕРВЫЙ ОТВЕТ	11
## ГЛАВА 5. УЗЕЛ	13
## ГЛАВА 6. МУЖЧИНА С РАЗНЫМИ ГЛАЗАМИ	14
## ГЛАВА 7. ТЕНЬ, КОТОРАЯ ВЫБИРАЕТ ЖЕРТВУ	17
## ГЛАВА 8. ОТКРОВЕНИЕ ЛЕВИАНА	19
## ГЛАВА 9. НОЧЬ, КОГДА СОН СТАЛ ДВЕРЬЮ	22
## ГЛАВА 10. ТОТ, КТО ХОДИТ В СВЕТЕ	24
## ГЛАВА 11. ВСТРЕЧА ТЕХ, КТО ХОДИТ РАЗНЫМИ ДОРОГАМИ	26
## ГЛАВА 12. ВЫБОР	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ариэль Вернер

Лабиринт Души. Книга 1

ПРОЛОГ

Вечер в доме тянулся вязко и тихо, как густой мёд по стеклу. Тусклая лампа под матовым абажуром отбрасывала тёплый круг света на стол, за которым лежали неряшливой стопкой бумаги, открытая книга, чашка с остывшим чаем. За окнами, где стекло уже давно потеряло прозрачность и стало лёгкой мутной пеленой между домом и миром, шёл редкий снег — лениво, без ветра, словно сам воздух смирился с тишиной.

Аделина лежала на кровати поверх покрывала, не решаясь ни встать, ни окончательно провалиться в сон. В груди стояло ощущение, будто кто-то сжимает сердце изнутри — не до боли, но достаточно, чтобы каждый вдох был чуть короче. Напоминало это не болезнь, а память. Память о чём-то древнем, что не принадлежало ни этому дню, ни этой зиме.

Комната казалась знакомой до последней мелочи — деревянный шкаф с потёртыми дверцами, старое зеркало в раме цвета тёмного мёда, привычный рисунок ковра. Но сегодня во всём этом было что-то ещё: тонкое, неосоздаемое смещение, как будто привычный мир слегка повернули, и он встал под другим углом. Предметы сохраняли форму, но пространство между ними стало другим.

Она долго смотрела в потолок, прислушиваясь к собственному дыханию и к тому, как дом отвечает ей лёгким потрескиванием досок. В какой-то момент стало невозможно терпеть это молчаливое внутреннее напряжение, и она тихо произнесла в полутёмную комнату, не очень ясно понимая, кому именно говорит:

— Если это... не просто так... покажи.

Слова повисли в воздухе и словно погрузились в саму толщу пространства. Ничего не изменилось — лампа не мигнула, стены не дрогнули, ветер не ударил в стекло. Только сердце вдруг отозвалось более ровным, глубоким ударом, а в голове промелькнула зыбкая мысль: просьба услышана.

С той ночи мир вокруг Аделины начал менять лицо. Не сразу и не грубо, а очень медленно, осторожно, как человек, который подходит к спящему и не хочет его спугнуть. Сны стали не просто ночными картинками. Время — не просто цепочкой минут. Люди — не просто люди. Всё, к чему она привыкла, словно обрело другую глубину, и невидимый кто-то терпеливо ждал, когда она решится посмотреть туда, куда всегда боялась.

Это не было началом её истории. Скорее — моментом, когда история, идущая за спиной уже много жизней, наконец повернулась к ней лицом.

ГЛАВА 1. ПЕРВЫЕ ЗНАКИ

Первые признаки перемен вошли в жизнь Аделины так тихо, что любая разумная часть её могла бы назвать их совпадениями. Впрочем, чем дальше, тем сложнее становилось искать рациональные объяснения.

Утро начиналось как обычно: слабый свет через серые шторы, холодный пол под босыми ступнями, запах вчерашнего чая на кухне. В старом домике, где каждая доска помнила шаги, звуки всегда отзывались эхом. В такие моменты Аделине нравилось думать, что дом живой — но в последние недели это ощущение стало слишком явным.

Однажды, подойдя к подоконнику, она машинально взглянула на телефон. Экран вспыхнул, и цифры времени сложились ровно в четыре одинаковых знака: **09:11**. Ничего необычного — если бы это случилось один раз.

Но на следующий день, задержавшись вечером у духовки, она достала противень, поставила его на плиту, и взгляд снова, как по привычке, скользнул к часам на стене.

19:11.

Та же связка, то же упорство.

Потом—на телефоне. На панели в машине. В уведомлении, присланном в 18:11.

Цифры начали преследовать её так деликатно, что сначала вызывали лишь лёгкую улыбку, но чем дальше, тем сильнее ощущалось: время как будто подмигивает, оставляя пометки на полях её дней.

К этому прибавились странные телесные реакции. Иногда в груди вдруг поднимался тяжёлый, плотный комок, похожий не на тревогу, а на сжатую, но не высказанную печаль. В такие минуты сердце отзывалось глухой тяжестью, словно вспоминало чужую историю. Были дни, когда слёзы сами по себе подступали к глазам, не зная, за кого именно плачут.

Ночами сны становились плотнее. Они начинали тянуться за ней в утро шлейфом ощущений: запах снега, шероховатость старого дерева под пальцами, холод металла, ладонь, в которой нет боли, хотя должна быть. Иногда, когда Алексей — муж — говорил о чём-то своём, будничном, вдруг появлялось впечатление, что его слова идут отдельно, сверху, а внизу, под ними, течёт другая, тихая река смысла, доступная только ей.

Особенно странными были моменты, когда вопросы, не оформленные вслух, получали ответы.

Сидя вечером за столом, Аделина думала: Интересно, почему он сегодня такой напряжённый? — и через несколько минут Алексей неожиданно произносил:

— Даже не представляешь, какой разговор был... весь день как на иголках.

Случайности выглядели слишком выверенными, чтобы оставаться просто игрой ума. Внутренний голос, который долгие годы молчал или отдавался только тихими намёками, становился настойчивее, словно кто-то давно пытался пробиться к ней из-за границы обычного восприятия.

Мир не менял форму. Но к привычным очертаниям словно добавился второй контур — невидимый, но ощутимый. В нём предметы сохраняли свои размеры и функции, а смысл — менялся. Зеркало переставало быть просто зеркалом, часы — просто стрелками, тишина — просто отсутствием звука.

Всё это можно было бы списать на усталость, на переутомление, на накопившееся за годы напряжение. Можно — если бы не одно внутреннее ощущение, от которого уже не удавалось отвернуться: **кто-то начал с ней разговор.**

И этот кто-то явно не собирался прекращать.

ГЛАВА 2. СНЫ, КОТОРЫЕ ПЕРЕШЛИ ГРАНЬ

Ночью дом становился другим. Днём он был старым, тёплым, немного усталым от жизни, с неровными стенами, шершавыми дверями и лампочками под жёлтыми абажурами. Ночью — в те недели — внутренняя тишина превращала его в пространство, больше похожее на декорации к чужому сну.

Один из первых сна, который Аделина не смогла забыть, начался с простого: комнаты, удивительно похожей на ту, где она жила, но будто бы смещённой во времени. В полутьме стоял старый коричневый шкаф — выше, чем настоящий, с тяжёлыми створками и зеркалами, которые не отражали свет, а будто впитывали его.

Отражение в зеркале показалось ей необычным: лицо — то же, а вот взгляд — глубже, как у человека, который видел больше, чем положено одной жизни. Рука, протянутая к стеклу, коснулась холодной поверхности, и в тот момент зеркало повело себя как вода: пошли круги, стекло чуть дрогнуло — и створка приоткрылась сама.

Не успела она отпрянуть, как пространство ушло из-под ног. Падение не было вертикальным; больше походило на выскальзывание из привычного измерения. Вокруг не было ни стен, ни пола, ни потолка — только плотная тьма, странно утешающая. Внутри её не жила паника; было другое чувство — словно её долго звали, а теперь наконец дали пройти.

Тьма постепенно разрежалась, и Аделина увидела зал, освещённый мягким, неясным светом. Круглые столы, за ними — люди в светлых одеждах, лица спокойные, сосредоточенные. Пахло воском, старой бумагой, чем-то немного похожим на запах церкви, но более домашним.

Когда она уже почти шагнула вперёд, навстречу этому странному собранию, к ней подошла женщина. Шла легко, как будто ступала по воздуху, свет вокруг неё был теплее, чем у других.

— Аделина, — сказала она, и было ясно, что имя ей знакомо. — Тебе пока рано сюда.

Слова прозвучали без угрозы, но абсолютно окончательно. Не “нельзя”, не “уйди”, а именно *рано* — так говорят о дверях, за которыми обязательно придётся побывать, но не сейчас.

Проснулась она с тяжёлым, но ясным ощущением: ей показали место, которое существует, даже если она не готова его принять.

Другие сны стали приходиться один за другим, как главы одной книги.

В одном из них — зимняя улица её родного города. Снег лежал не толстой шубой, а тонким слоем, как небрежно рассыпанная мука. Было темно, но не чёрно: зима подсвечивала воздух мягкой синевой. Ноги Аделины будто налились свинцом, идти вперёд получалось с трудом, и какое-то время она не понимала, то ли ступает по снегу, то ли ползёт.

Из-за тёмных кустов вышла незнакомая женщина, сжимающая в руках несколько маленьких стеклянных баночек. Лицо её было неразличимо, но голос прозвучал чётко:

— Нужно отвезти в Москву. Передать. Не забудь.

Слова почти сразу утонули в резком свете — вспыхнула зелёная вывеска «АПТЕКА», ослепив до белых пятен в глазах. Когда зрение вернулось, Аделина уже находилась внутри здания. Узкий коридор, тусклый свет, старые стены с облупившейся краской. Слева — зеркало.

В отражении она увидела себя в синем берете и пальто, явно тёплом, но с чужой линией плеч. Лицо казалось старше, чем в реальности, взгляд — усталым, прожившим столько зим, сколько её возраст ещё не позволял.

В следующую секунду в этом же зеркале кто-то невидимый начал снимать с неё шарф. Пальто медленно расстёгивалось, будто чьи-то осторожные руки работали прямо в воздухе. Тело оторвалось от пола, лёгкость была почти противоестественной, в груди прошёл холодок.

— Кто ты? — спросила она, ощущая, что обращается к тому, кто стоит совсем рядом.

Ответа не последовало. Только молчание, настолько густое, что казалось самостоятельной сущностью. Резко — провал, смена картинки: диван, старшая сестра рядом, невидимая граница между сном и реальностью, в которую поверить всё равно сложно.

Был и другой сон. Вода, раковина, серая пена и старые полотенца. Всё, что лежало в ней, казалось её повседневными вещами — знакомая тряпка, те самые серые кухонные полотенца. Вода стоит, не уходит, и какое-то внутреннее знание подсказывает: так больше нельзя.

Стоило ей налить ещё горячей воды, как тряпки слегка дрогнули, и из складок выскользнула лягушка. Живая, влажная, с блестящими глазами, смотрящими прямо на неё, как на того, кто должен что-то понять.

Аделина бережно взяла её и вынесла во двор. Снег там был холодный, плотный. Она отпустила лягушку, думая только о том, чтобы никто не видел, как она выкидывает живое существо. Но подняла голову — на балконе дома напротив стояла женщина и очень внимательно наблюдала за происходящим.

Вернувшись на кухню, увидела другую сцену: посуда, аккуратно расставленная на столе после мытья, белая раковина и белый кран — будто всё вокруг прошло через очищающий обряд. Рядом — незнакомая женщина, которая молча помогает ей, словно всегда жила в этом доме.

Проснувшись, Аделина ощутила не страх, а странное знание: сны начали показывать, что в её жизни застоялось, что нужно выносить “на снег” и что наблюдающих за ней куда больше, чем кажется.

Сон, где муж был с другой женщиной, оставил не столько ревность, сколько острую боль разрыва. Дверь, выброшенное из комнаты тело, стекло под рукой, треск и осколки, впивающиеся в кожу. Красная кровь, стекающая по пальцам, но на удивление — без боли. Осколки легко выходили из ладони, и это казалось символом, более явным, чем любая речь: что-то в её жизни пора вытащить из плоти, даже если привыкла жить с этим внутри.

Потом — полёт. Собственный муж, бросающий в неё стеклянные стаканы. Один попадал в затылок, тяжёлый удар, ощутимый до физической дрожи, остальные разбивались о воздух, как о невидимую стену. И одновременно — ощущение, что некая тёплая сила поднимает её выше, защищает, ставит между ней и летящим стеклом расстояние.

Просыпаясь после таких снов, Аделина уже не могла отделаться мыслью, что это просто игра подсознания. Сны складывались в узор — тугой, многослойный, в котором каждое звено намекало на следующее. И чем внимательнее она вглядывалась, тем яснее становилось: это не просто ночные истории, это — язык, на котором кто-то старается до неё достучаться.

ГЛАВА 3. КОГДА МИР СТАЛ ОТВЕЧАТЬ

Утро после очередного сна началось с той самой странной ясности, которая приходит не после отдыха, а после внутреннего встряхивания. Дом выглядел всё тем же: кухня с вытертым столом, завешенное кружевной занавеской окно, старые часы на стене, отмеряющие время хрипловатым тиканьем. Но в каждом привычном предмете чувствовалось что-то дополнительное, как будто мир стал толще, глубже, многослойнее.

На кухонной полке возле окна лежал маленький осколок стекла. Обычный, прозрачный, ничем не примечательный, если бы не та самая память о сне, где ладонь была в крови. Вчера этого осколка здесь не было — Аделина точно помнила. Ночью стекло она не разбивала. Но вот оно лежит, сверкнув под углом, словно специально дождалось её взгляда.

Прежде чем рука успела потянуться к нему, в дверном проёме бесшумно появился Грейм. Рыжая шерсть мягко переливалась в полосе света, глаза казались двумя янтарными углями. Он не спрыгнул с подоконника, не запрыгнул на стол — просто *был*, как будто материализовался прямо из воздуха.

Кот смотрел на неё, не мигая, с каким-то слишком осмысленным спокойствием. В этом взгляде не было ни просьбы, ни каприза — только ожидание. А через мгновение он развернулся и исчез в коридоре настолько быстро, словно растворился в воздухе, оставив после себя только едва заметный запах шерсти и тёплый след присутствия.

Позже, когда Аделина достала телефон, чтобы посмотреть время перед выходом, экран показал очередную комбинацию, от которой по коже побежали мурашки: **11:11**. Повторяющиеся единицы на фоне очередного странного утра выглядели уже не игрой случайности, а как новый штрих в череде знаков.

Днём сердце отзывалось на происходящее тонкой дрожью. Стоило чему-то сместиться в пространстве — услышать чужой разговор, уловить не то выражение лица, — внутри будто кто-то поворачивал невидимую ручку, усиливая чувствительность. Часто казалось, что в комнате, кроме неё и Алексея, присутствует кто-то ещё — не человек, но и не “ничего”.

Вечером муж вернулся домой с тяжёлым взглядом. Снял куртку, повесил на крючок, дольше обычного возился с молнией, будто оттягивая момент разговора. На кухню вошёл уже с тем выражением лица, когда человек сразу ищет, куда бы присесть.

— День... странный, — произнёс он, опускаясь на стул. — Поговорил с Сергеем Павловичем. Не рад, что поговорил.

Имя старшего родственника по линии мужа всегда приносило в дом еле слышимый запах старых кладовок, семейных историй и чего-то такого, о чём обычно не говорят при детях.

— Про что? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Алексей посмотрел на стол, потом — на неё, словно проверяя, можно ли сказать вслух то, что давит внутри.

— Про прадеда. Про долг. И... про проклятие рода.

Представляешь, взрослый человек, советский, рассудочный — а говорит такими словами.

Слово “проклятие” повисло в воздухе, как капля чернил в воде. Расползлось, окрасило собой всё вокруг — плитку, банку с сахаром, даже стук часов.

Дальше было уже несложно. Сквозь обрывки фраз проступила история: когда-то один из предков взял большие деньги, дал слово вернуть, не вернул, нарушил не только договор, но и клятву. Чужая боль осела в семье, как пыль в старых домах, и от неё не избавились — только научились молчать.

Пока Алексей говорил, за окном стало темнее, снег почти перестал. Занавеска при каждом его слове едва заметно шевелилась, хотя окна были закрыты. Аделина почувствовала, как

невидимая нить протягивается от рассказа к её снам, к маминому письму, к тому самому давлению в груди, которое давно поселилось в ней.

Позже, когда он ушёл в гараж, кухня осталась в мягкой полутьме. Тёплый круг света от лампы не доходил до углов, там плотнее лежали тени. На столе — конверт с маминым почерком, чуть пожелтевшая бумага, запах старины и пудры, который всегда жил в её вещах.

Развернув письмо, Аделина вновь прочла знакомые строки — о том, что мир может начать казаться странным, и о том, что в их роду такое уже бывало. Но теперь внимание зацепилось за маленький сложенный клочок бумаги, который раньше будто прятался от глаз.

На нём, неровным, спешным почерком, было написано несколько фраз:

«Если тень придёт — ищи не в себе.

Ищи в роду мужа.

Там давний узел.

И ты — та, кто может его увидеть.»

В этот момент тишина дома стала особенно густой. Даже часы, казалось, затаили дыхание. На ковре у стола сидел Грейм, и янтарные глаза его мерцали в полумраке, как две небольшие свечи.

ГЛАВА 4. ПЕРВЫЙ ОТВЕТ

Разговор с Сергеем Павловичем начался так, как начинаются разговоры, к которым никто не готов. Сухое “алло”, тяжёлый голос, в котором знакомая хрипотца и усталость человека, видевшего слишком много чужих и своих ошибок.

Аделина сидела в гостиной — кресло у окна, старое, с продавленными подлокотниками, в которых пальцы когда-то нервно мяли ткань, теперь казалось укрытием. На коленях — тот самый конверт. На ковре — вытянувшийся кот. За стеклом окна медленно темнел день.

— Сергей Павлович, — произнесла она, стараясь, чтобы голос звучал не слишком мягко и не слишком твёрдо. — Мне нужно понять одну вещь. Про прадеда. Про долг. И... про то, что вы называете проклятием.

Пауза на том конце провода длилась достаточно долго, чтобы дом успел чуть остыть.

— Кто тебе сказал про проклятие? — спросил он наконец.

— Вы, — спокойно ответила она. — Сегодня. А до этого — сны. И письмо мамы.

Слово “мама” едва заметно дрогнуло в голосе, но этого хватило, чтобы воздух в комнате стал гуще.

— Дарина... — медленно повторил он, словно само имя возвращало его в прошлое. — Значит, она всё-таки написала.

Разговор развивался тяжело, словно приходилось вытаскивать из болота не простые факты, а куски чужой вины. Сергей Павлович говорил о людях, которых она никогда не видела, но чьи решения всё ещё откликались в настоящем. О том, как однажды был взят чужой капитал — “по знакомству”, “под слово”. И это “слово” тогда было важнее, чем любая бумага.

— Он не вернул, — сказал Сергей Павлович. — Не потому, что не мог. А потому, что считал, что жизнь обязана ему больше. И когда тот человек умер... — голос его стал тише, — сказал одно: “Если не ты вернёшь, вернут твой”.

Слова его ложились тяжело, как мокрый снег.

— С тех пор... в нашем роду всё пошло наперекосяк, — продолжил он. — Долги, болезни, странные смерти. Не сразу, нет. Но словно какая-то нитка потянулась.

И это не мистикой кажется, когда видишь десятилетия подряд.

Затем прозвучала фраза, после которой колени у Аделины чуть ослабели.

— Ты должна понять, девочка, — он редко её так называл, — если это к тебе пришло... если тебе всё это снится, и ты всё это чувствуешь... значит, узел снова дёргают.

Или за тебя, или через тебя.

Слово “через” отдалось в груди тяжёлым ударом. В этот момент в кухне — она слышала — что-то тихо звякнуло, как ложка о край чашки, хотя в комнате никого не было.

Связь оборвалась вдруг, будто кто-то резанул провод. Телефон в руке стал неожиданно тяжёлым. На секунду показалось, что дом тоже сник — стены чуть осели, потолок стал ниже.

Грейм поднялся, напрягшись, шерсть на хребте приподнялась едва заметным хребтом. Он смотрел не на неё, а туда, в коридор, где тень всегда ложилась чуть плотнее.

Зимой дома всегда прохладнее, но этот холод был другим: он не шёл от стекла, не просачивался из рам, он как будто поднимался из пола. В коридоре воздух слегка дрожал, как над горячей плитой, только вместо жара — странное ледяное покалывание.

Возле старого зеркала, в котором днём отражалась только лестница и часть стены, сейчас вырисовывалось нечто иное — участок темноты, густой, как спрессованный дым. Не фигура, не силуэт, а *ошибка в пространстве*, кусок ночи в доме, где уже включили свет.

Грейм шагнул вперёд, встал между Аделиной и зеркалом, выгнув спину, шерсть вздыбилась волной. Из его пасти вырвался глухой, низкий звук, почти звериный. Тень у зеркала

дрогнула, словно столкнулась с невидимой преградой, и через мгновение разошлась, растаяла, словно её втянуло обратно внутрь стекла.

Лампочка в коридоре мигнула и загорелась ровнее.

Дом выдохнул.

Аделина опустилась на край кресла, почувствовав, как дрожат пальцы. Не от испуга — от осознания: с ней только что не просто “померещилось”. Кот, зеркало, холод, звон в трубке, разговор о родовом долге — всё сплелось в одном дне.

И где-то на самом дне сознания родилась простая, как приговор, мысль: её больше не спрашивают, готова она к этому или нет.

ГЛАВА 5. УЗЕЛ

На следующий день в доме было необычно светло — редкое зимнее солнце промыло окна, и даже затёртая до матовости рама выглядела почти праздничной. Но этот свет подсвечивал не только привычную уютную обстановку; он как будто ярче выделял всё, что в жизни Аделины оказалось на перекрёстке.

К обеду Алексей вернулся раньше обычного. Дверь хлопнула с таким звуком, словно дом тоже вздрогнул. Он снял куртку и долго держал её в руках, не вешая на крючок.

— Ты бледная, — произнёс он вместо приветствия, глядя на неё внимательно, как смотрят на человека, с которым что-то происходит, а ты не понимаешь — что именно.

— Просто не спала толком, — ответила она. В голосе не было раздражения, лишь усталость, как лёгкая дымка.

Они сели на кухне — стол, покрытый чуть выцветшей скатертью с мелким цветочным рисунком, знакомая трещина на тарелке, баночка с вареньем. Вся эта простота всегда казалась ей островком стабильности. Сегодня остров начинал дрейфовать.

— Я разговаривала с Сергеем Павловичем, — сказала Аделина, не отводя взгляд от кружки. — Он рассказал то, о чём, кажется, никто не хотел говорить.

Алексей напрягся, как тетива.

— Тебе не нужно было в это лезть, — автоматически произнёс он и тут же сжал губы, будто пожалел о словах.

— Нужно, — мягко, но твёрдо возразила она. — Потому что это влияет на нас. На тебя. На меня. На всех, кто в этом доме.

Она рассказала о письме Дарина, о небольшом клочке бумаги, где чётко сказано: “Если придёт тень — ищи в роду мужа. Узел старый. Тянется из глубины. И ты — проводник.” О словах Сергея Павловича о том, что когда-то было дано, а потом предано слово.

Алексей слушал с тем выражением лица, когда человек пытается удержаться в привычной картине мира, а она трещит по швам.

— Ты правда веришь, что всё это... — он искал слово, — что это не просто совпадение?

Аделина ненадолго задумалась. Взгляд скользнул по кухне: по старому чайнику, вмятине на дверце холодильника, засохшему следу от капли кофе на столе. Всё было до смешного реальным, материальным, обычным.

— Если бы это был только один сон, — тихо сказала она, — одна цифра на часах, одно “забавное совпадение” — можно было бы отмахнуться. Но когда сны, знаки, письма, слова людей, которых ты не видела годами, — всё стягивается в одну точку... игнорировать это уже выглядит страннее, чем признать.

Алексей отвёл взгляд, пальцы его нервно постукивали по краю кружки.

— И что ты собираешься делать? — спросил он, словно проверяя глубину её решимости.

— Для начала — не делать вид, что этого нет, — ответила она. — И понять, что именно за узел тянется в твой род. Пока мы его не увидим, он будет играть с нами в темноте.

Где-то под столом тихо шевельнулась шерсть. Грейм выбрался оттуда, потянулся, подойдя к её ногам, и лёг так, что хвост лёг полоской вдоль её ступней, как знак невидимой черты.

Свет в кухне был таким ясным, что даже пылинки танцевали в воздухе, но внутри у Аделины было чувство, будто она стоит не просто в доме — на пороге чего-то гораздо большего. И это “большее” уже смотрит на неё в ответ.

ГЛАВА 6. МУЖЧИНА С РАЗНЫМИ ГЛАЗАМИ

Снег ложился на город мягко, будто кто-то сверху встряхивал подушку и позволял белым клочкам падать медленно, почти заботливо. На улицах царила редкая зимняя тишина, когда каждый звук кажется лишним, а воздух — слишком густым для обычных разговоров.

Аделина шла домой от магазина, держа в руках бумажный пакет. Пальцы мерзли сквозь перчатки, но холод будто помогал держать мысли в порядке, не позволяя им ускользнуть в ту самую зыбкую область, где начинались знаки, сны и странные совпадения.

Дом виднелся уже неподалёку, когда она почувствовала — не услышала, не увидела, — а именно почувствовала, что за ней следят.

Не взгляд, не шаги.

Что-то тоньше.

Как будто воздух позади стал плотнее, приобрёл очертания чьего-то присутствия.

Она замедлила шаг. Не оборачиваясь.

На долю секунды всё вокруг замерло — даже снег, казалось, застыл между землёй и небом, перестав падать.

И тогда, нарушив тишину, раздался мягкий, тёплый голос, от которого по позвоночнику прошёл лёгкий разряд:

— Не бойся, Аделина.

Она обернулась.

На противоположной стороне дороги стоял мужчина.

Он был одет в длинное тёмное пальто, с высоко поднятым воротником, словно это был не городской житель, а персонаж, шагнувший из другой эпохи. Высокий, стройный, с лицом, которое вряд ли можно было назвать обычным. Оно было слишком правильным, слишком спокойным для холодного зимнего вечера.

Но главное — глаза.

Правый — глубокий серый, как сталь. Левый — зелёный, ярче изумруда, с каким-то внутренним светом. Глаза, которые никогда не бывают случайностью.

Он стоял неподвижно, но ощущение было такое, будто пространство вокруг него слегка дрожало, как от тепла, исходящего из глубины тела.

— Вы... — голос предательски дрогнул. — Откуда знаете моё имя?

Улыбка мужчины была мягкой и немного грустной.

— Мне не нужно было его узнавать. Я знал давно.

Ещё до того, как ты начала видеть первые сны.

Пакет в её руках чуть смялся — пальцы дрожали. Не от страха — от слишком явного, почти физического осознания: этот человек не из мира, в котором оплачивают коммуналку и спорят о ценах в магазине.

Он — из другого слоя реальности. Из того самого второго контура мира, что последние месяцы настойчиво звал её.

— Кто вы? — спросила она, не делая шага ни назад, ни вперёд.

— Враг? Друг? Подглядывающий? Направляющий?

Мужчина чуть склонил голову, будто оценивая её смелость.

— Ни то, ни другое.

Я — тот, кто был рядом всегда, но кому нельзя было приближаться раньше.

Он шагнул к ней. Снег под его ботинками не хрустел. Вообще. Будто он шёл не по снегу, а по воздуху.

Когда он подошёл ближе, Аделина почувствовала запах — тонкий, едва уловимый, холодный, как морозный воздух, смешанный с ароматом старой бумаги и дыма благовоний.

— Моё имя Левиан, — произнёс он. — И если ты позволишь, сегодня вечер станет началом того, что давно должно было начаться.

Они шли рядом по тропинке, освещённой редкими жёлтыми фонарями. Каждая тень от дерева ложилась на снег длинными, тонкими пальцами, словно тянулась к ним.

— Ты ждёшь объяснений, — сказал он, не глядя на неё. — И они будут. Но не сразу.

Слишком резкая правда ломает душу быстрее, чем тьма.

— Тогда скажите хоть одно — почему я?

Почему всё это происходит именно со мной?

Он замедлил шаг, повернул голову к ней, и зелёный глаз сверкнул особенно ярко.

— Потому что ты — последняя в линии тех, кто может развязать узел. Потому что ты — та, на ком тень застряла, но не смогла просочиться. И потому что в тебе есть дар, который нельзя оставить нераскрытым.

Сердце ударило так сильно, как будто кто-то толкнул его изнутри. «Дар.» Слово, которое звучало то как благословение, то как приговор.

Аделина тихо спросила:

— Дар медиума?

Левиан едва заметно улыбнулся уголком губ.

— Медиума — да.

Но не только.

Ты — ключ.

Ты — проводник между тем, что было скрыто, и тем, что пора вынести на свет.

Он остановился перед старой каменной оградой, на которой снег лежал почти нетронутым.

— И ещё одно, — сказал он тихо. — Тебе нужно быть осторожной. Тень уже знает, что ты приближаешься к истине. Она уже ищет тебя.

Аделина выдохнула, и в холодном воздухе её дыхание превратилось в белый пар.

— Я должна бояться?

— Бояться — нет.

Но уважать — да.

Когда они подошли к её дому, Грейм сидел на ступеньках, будто ждал. Глаза его отражали лунный свет золотыми искрами.

Левиан остановился на расстоянии нескольких шагов.

— Я не могу войти. Пока что.

Дом защищён родом твоей матери.

У Аделины кольнуло под рёбрами — тёплым, щемящим чувством.

— И что мне делать дальше? — спросила она, ощущая, как тень дома уплотняется вокруг неё.

Левиан посмотрел на неё долгим, внимательным взглядом.

— Дальше ты должна сделать то, от чего зависит не только твоя судьба.

Разобраться в узле. В мужчине, которого выбрала. И в той тьме, что пришла за ним.

Он шагнул назад, растворяясь в снежной дымке, как будто мир мягко забирал его обратно.

— И помни, Аделина...

Ты не одна.

И никогда не была одна.

А потом он исчез — не растворился, не исчез в тумане, а перешёл в ту плоскость, где шаги не оставляют следов.

Грейм тихо мяукнул, будто подтверждая каждое его слово.

Аделина подняла руку к груди, где сердце билось быстро, но ясно — впервые за долгое время.

Сложилось ощущение, что с этого вечера её жизнь уже не принадлежит прежней версии мира.

Она стояла на пороге большой тайны. И путь назад был уже невозможен.

ГЛАВА 7. ТЕНЬ, КОТОРАЯ ВЫБИРАЕТ ЖЕРТВУ

Ночь была слишком тиха, будто город забыл дышать. Луна висела низко — серебристая, как осколок зеркала, который кто-то оставил среди тёмного неба. Дом спал, укутанный старым деревянным запахом стен, а за окнами снег кружился в ленивых, почти завораживающих спиралях.

Аделина сидела в гостиной, зажёгши всего одну лампу. Тёплый свет мягко ложился на книги, старые фотографии, на шерсть Грейма, который возлежал на спинке дивана, глядя куда-то в пустоту. Кот выглядел настороженным. Слишком внимательным.

Будто предугадывал, что ночь станет другой.

Когда часы на стене отстучали 00:22, воздух в комнате изменился. Стало чуть холоднее. Чуть гуще. Чуть... тише.

Так бывает в лесу перед тем, как зверь ступит в засаду.

Аделина подняла голову — и почувствовала, что не одна. Ощущение чужого присутствия было не визуальным — телесным. Как будто в комнату вошёл кто-то, чьё дыхание лишает воздух тепла.

— Грейм? — прошептала она.

Кот резко вскинул голову. Глаза его вспыхнули янтарём. Шерсть на хребте поднялась дыбом.

И тогда Аделина увидела.

За стеклом зеркала, которое висело напротив дивана, что-то шевельнулось. Сначала — едва заметная тень. Потом — тьма, которая не отражает комнату, а живёт отдельно, как самостоятельное существо.

Зеркало дрогнуло. Поверхность его повела волной — медленной, густой, будто оно стало не стеклом, а чёрным маслом. И из глубины, как из другого мира, проступила фигура. Не человек. Не полностью.

Силуэт был худым, вытянутым, пропорции — неправильными, как у сломанной марионетки. Руки — слишком длинные. Голова — наклонённая под неестественным углом. Глаза — два пятна тьмы, в которых не было ни света, ни отражения, ни жизни.

Тень медленно повернула голову на Аделину.

Грейм зашипел — громко, яростно. Прыгнул между ней и зеркалом, как щит.

Тень приподняла руку. Пальцы — хищно длинные, как тонкие, острые ветви старого дерева. От движения послышался шёпот. Не слова — шуршание, будто кто-то листал старые книги слишком быстро.

Аделина отступила назад, наткнулась плечом на книжную полку. Сердце билось так сильно, будто пыталось вырваться наружу.

— Что тебе нужно...? — прошептала она, чувствуя, что голос едва слышится.

Тень вытянула руку вперёд. Пальцы её ткнули в стеклянную поверхность — и зеркало треснуло. Тонкий, высокий звук прорезал комнату, как нож. Ещё трещина. Ещё.

Сеть острейших белых линий поползла по зеркалу, словно внутри живёт беспокойный зверь.

И тогда — **голос**. Хриплый, низкий, будто состоящий из горящих углей.

— ...возьми... меня...

Слова потянулись к ней, как дым. Гулкий, будто откуда-то из колодца.

— ...ты... связана... узлом...

...ты... открыла дверь...

Грейм прыгнул вперёд, ударил лапами по раме зеркала. Треск стал громче, комната осветилась вспышкой холодного света — и тень дернулась, будто её обожгли.

В ту же секунду входная дверь дома громко хлопнула.

Аделину ударило ощущение, будто кто-то прошёл сквозь порог. Она обернулась. В проёме стоял Алексей. Но что-то было не так.

Его глаза — усталые, земные, живые глаза — были пустыми. Не мёртвыми, нет. Пустыми, как у человека, который смотрит издали, как будто его сознание отодвинули куда-то назад.

— Аделина... — выдохнул он, и голос дрогнул так, словно он пришёл из холода. — Оно... идёт за мной...

Он сделал шаг — и в этот момент зеркало взревело. Это не был звук разбитого стекла. Это был рёв зверя, который веками спал внутри и теперь проснулся.

Тень выгнулась, как хищник перед прыжком. Стекло пошло новыми трещинами.

Пол под ногами дрогнул. А потом — из зеркала вырвалась чёрная рука. Длинная, тонкая, скользкая. Она метнулась к груди Алексея.

Аделина закричала:

— НЕТ!

Грейм прыгнул меж ними — и тьма ударила в воздух, промахнувшись. Кот отлетел к стене, ударился, зашипел, но снова поднялся.

Алексей упал на колени, схватившись за голову.

— Оно... — выдохнул он сквозь судорогу. — Оно... хочет... меня...

И в этот момент в комнате изменился воздух. Как будто кто-то раздвинул пространство. Словно в дверь вошёл ветер. И прямо за спиной Аделины мягко, но громко раздался голос — глубокий, уверенный, с силой, которой невозможно противиться:

— Отойди от неё.

Она обернулась — и увидела Левиана. Не такого, как на улице. Сейчас он был другим. Сильнее. Темнее. Грознее. Один глаз — сверкающий зелёный. Второй — стальной, холодный, как клинок. Но главное — от него исходил свет. Тонкий, серебристый, будто лунный.

Он поднял руку. Тень в зеркале взвыла, как зверь, которому наступили на пасть.

— Ты не имеешь права, — сказал Левиан, и его голос стал почти нечеловеческим.

Тьма рванулась на него. Зеркало разлетелось сотней блестящих осколков. Комната взрывом наполнилась облаком холодной, жгучей энергии. Свет от руки Левиана ударил в тень, как вспышка молнии. Тьма закричала. Скрутилась. Распалась в воздухе. Исчезла.

Зеркало потухло. Дом вернулся в реальность. Только трещины на стенах напоминали, что здесь что-то было. Алексей лежал без сознания. Грейм дрожал, прижавшись к ножке стула. Аделина стояла, не чувствуя ног.

Левиан подошёл ближе. И тихо сказал:

— Узел открылся. Теперь всё началось по-настоящему.

Он посмотрел ей прямо в глаза — и в его взгляде была не просто тревога. Там было предупреждение. И что-то ещё. То, что меняет судьбу.

ГЛАВА 8. ОТКРОВЕНИЕ ЛЕВИАНА

Комната всё ещё пахла холодом и чем-то металлическим — едва ощутимый запах жжёного воздуха, который остаётся после вспышки молнии. Осколки зеркала лежали на полу, отражая мутные отблески лампы, будто замёрзшие слёзы.

Алексей лежал на диване, бледный, без сознания, но дышал ровно. На шее пульс вибрировал слишком быстро — словно сердце пыталось догнать реальность, от которой оно отстало. Аделина стояла рядом, не решаясь коснуться мужа. Пальцы дрожали так сильно, что любой контакт мог стать последней каплей, заставившей её расплакаться.

Рядом — Левиан.

Он казался уставшим, хотя его лицо не выражало ни слабости, ни сомнений. Просто... напряжение. Глаза — особенно стальной — светились глухим отголоском силы, которой он только что воспользовался.

Грейм медленно подошёл к ногам Аделины и сел, поместившись между ней и миром — так, будто всё ещё пытался прикрыть её собой.

Тишина длилась недолго.

Аделина первой нарушила её:

— Он... он останется жив? Ты можешь сказать хоть что-то?

Левиан кивнул.

— Жить — да. Но последствия будут.

Тень пыталась не убить его — *дотронуться*. Отметить. Пометить, как цель.

Эти слова разорвали её спокойствие.

— Пометить? Для чего? — голос её сорвался на холодный шёпот.

— Чтобы тянуть энергию. Чтобы высасывать слабые места. Чтобы забрать то, что ей нужно. Тьма не убивает сразу — она выжидает, пока человек прогниёт изнутри.

Аделина шагнула ближе:

— Но почему он? Почему мой муж?

Левиан медленно провёл рукой по волосам — длинная тень от его ладони легла на стену, будто потянулась за ним.

— Потому что он — последняя линия рода, — ответил он тихо. — Того самого рода, что когда-то нарушил клятву. Того, что обещал вернуть, но предал.

Он перевёл взгляд на Алексея:

— По роду твоего мужа тянется разлом. Древний. Проклятый. Притягивающий то, что должно было быть искуплено. Но никто из них так и не заплатил.

Аделина прижала ладонь к губам — дыхание стало прерывистым.

— Но почему... почему тогда эта тень пришла ко мне?!

Левиан посмотрел на неё долгим, внимательным, почти ласковым взглядом:

— Потому что ты — не носитель долга. Ты — тот, кто может его увидеть.

Он сделал шаг ближе.

Аделина чувствовала тепло его кожи, хотя до неё не доходил ни один луч света.

— Ты обладаешь даром видеть то, что слепо для других. Ты — проводник. Ты — медиум.

Ты — та, кто может изменить ход того, что должно было случиться много лет назад.

Она сглотнула, и голос сорвался:

— Я... не уверена, что хочу этого.

— Ты уже внутри, Аделина, — сказал Левиан почти нежно. — Путь выбрал тебя, а не наоборот.

Грейм снова зашипел — тихо, словно предупреждая.

За окном ветер ударил в раму, будто кто-то провёл когтем по стеклу.

Тьма возвращалась к дому. Ей не понравилось, что её выгнали.

Аделина прижалась плечом к стене. Она казалась холодной, как подвал.

— Как мне его защитить? — тихо спросила она, глядя на Алексея. — Как защитить мужа?

— Для начала — не позволять тени приблизиться, — ответил Левиан. — Она помнит его, она видела его. Значит, она вернётся.

— А меня она почему... ощущает? Почему я в этом участвую?

Он тяжело выдохнул — почти человечески.

— Потому что ты — единственная, кто может видеть нас обоих.

И тень. И свет.

Она задала самый опасный вопрос:

— И ты... что ты?

Ты — кто?

Он сделал ещё один шаг, теперь между ними оставалось меньше метра.

— Я — тот, кого называют хранителем промежутков.

Тех пространств, где тьма и свет соприкасаются.

Тех трещин, из которых вылезает то, что обычные люди никогда не увидят.

Он коснулся пальцами воздуха рядом с её ладонью — не прикасаясь, но так близко, что по коже побежали мурашки.

— Я защищаю тех, кто должен пройти путь.

И иногда... защищаю от тех, кто не должен быть рядом.

Она чуть нахмурилась:

— Ты говоришь, как будто знаешь меня давно.

— Знаю, — просто ответил он.

Сердце пропустило удар.

— Откуда?

Глаза его стали мягче, почти теплее.

— Из тех мест, где ты ещё не была. Но будешь. И из тех жизней, которые ты не помнишь.

Но которые помнят тебя.

В груди у неё всё сжалось.

— Значит... наша встреча — не случайность?

Левиан улыбнулся — уголком губ, едва заметно.

— В этой истории случайностей нет.

Алексей застонал и открыл глаза — мутные, уставшие.

— Аделина...? — прошептал он. — Мне приснилось... что что-то тянуло меня вниз...

Он попытался подняться, но силы покинули его.

Левиан шагнул назад, словно затемняя своё присутствие.

— Ему нужно время, — тихо сказал он. — Но запомни... тень уже знает дорогу в ваш дом.

Аделина почувствовала, как страх превращается в решимость.

— Что мне делать?

Левиан посмотрел на неё так, будто выбирал между двумя судьбами.

— Готовиться к тому, что скоро явится то, что хочет закончить то, что началось задолго до тебя. Узел не развяжется сам.

Он прошёл к двери — его шаги были такими тихими, будто он шёл не по полу, а по снегу.

Перед тем как исчезнуть, он произнёс:

— И, Аделина...

Не открывай двери ночью. Ни зеркалу. Ни голосу. Ни тени.

Он исчез так же бесшумно, как и появился.

Грейм запрыгнул на диван и лёг рядом с Алексеем, будто охраняя его. Аделина осталась стоять посреди комнаты, сжав пальцы в кулак.

И впервые почувствовала: это только начало.

ГЛАВА 9. НОЧЬ, КОГДА СОН СТАЛ ДВЕРЬЮ

Дом снова затих, словно боялся шевельнуться. После столкновения с тенью пространство будто дышало иначе — то расширялось, то сжималось, как живой организм, который прислушивается к каждому шагу внутри.

Алексей спал беспокойно, иногда вздрагивал, морщил лоб, тихо стонал. По его лицу было видно: сон пытается утащить его туда, где он уже был сегодня ночью — туда, где тьма чуть не дотянулась до сердца.

Грейм лежал у ног кровати, вытянувшись в струну, будто готов броситься в любую секунду.

Аделина сидела в кресле напротив, даже не думая спать. Слишком много было тревоги в воздухе — густой, почти липкой. Она держала в руках мамино письмо. Пальцы дрожали.

Часы на стене отстучали **03:03**.

И вдруг...лампа слегка мигнула.

Раз.

Другой.

Комната погрузилась в полутьму — не тьму, но и не свет. В этой полутени было что-то неправильное, будто воздух стал вязким, как туман, которым можно дышать, но который не даёт звукам выйти наружу.

Грейм вскочил. Спина его выгнулась дугой. Он уставился в сторону окна.

И тогда Аделина увидела...

Зеркало. То самое, в спальне. С трещинами. С осколками.

Оно начало мерцать.

Трещины светились бледно-голубым светом, похожим на морозный отблеск льда.

Свет тек по стеклу, как вода, собираясь в одну вертикальную линию.

И внезапно изнутри зеркала донёсся тихий звук. Как будто кто-то проводит ногтями по внутренней поверхности стекла. Скрежет. Медленный. Методичный.

— Только не снова... — прошептала Аделина, но голос утонул в полутени.

Зеркало дрогнуло. Свет мигнул. И за трещинами начала проступать силуэт.

Не целиком. Только фрагменты — лицо, как будто за дымчатым стеклом, удлинённые пальцы, чёрная проваленная тень вместо глаз.

И тень, словно узнав её, улыбнулась. Улыбка была нечеловеческая — слишком широкая, слишком тонкая, как разрез по ткани. Голос прошелестел, как змеиная кожа по камню:

— ...пришло время... открыть дверь...

Аделина вцепилась руками в подлокотники кресла. Холод пробежал по позвоночнику.

Тень коснулась стекла — и поверхность выгнулась наружу, будто это не стекло, а мягкая ткань.

Грейм взревел — звук был низкий, глухой, почти волчий. Он бросился на зеркало.

Но не успел.

Потому что тень вдруг развернулась — не всем телом, а только лицом, повернув его к мужу.

И зашептала:

— ...ты... мой...

В ту же секунду Алексей выгнулся на кровати, резко, будто его кто-то дёрнул за невидимую нить. Пальцы сжались в судороге, грудь поднялась, дыхание сбилось.

— Нет! — крик Аделины вырвался сам.

Она метнулась к мужу, схватив его ладонь, пытаясь вернуть его сюда, в тело.

Но как только её пальцы коснулись его руки — мир взорвался.

Комната исчезла. Потолок растворился. Свет погас. Пол ушёл из-под ног.
Аделина провалилась.

Она оказалась в коридоре — длинном, тесном, с деревянными стенами, покрытыми старой жёлтой краской. Освещения не было, но стены светились собственным тусклым светом, похожим на свет фонариков в детстве. А впереди... в конце коридора... стоял Алексей.

Он был бледный, как бумага. Глаза — пустые, как у куклы. Тело — расслабленное, почти неподвижное.

— Алексей! — крикнула она.

Он не ответил. Не повернулся. Не моргнул.

Тень выступила из стены за его спиной — медленная, хищная, как хищник, вышедший на охоту. И прошептала:

— ...трогать... его... нельзя...

Аделина сделала шаг вперёд. Но как только подошла ближе — пол под её ногами стал мягким, как зыбучий песок. Её словно пытались задержать.

Но она продолжала идти.

— Отстань от него! — голос дрожал, но звучал твёрдо.

Тень изогнулась. Открыла свои длинные пальцы, направив их на Алексея. Пальцы тянулись к его груди, пытаясь коснуться его сердца.

Тень прошептала:

— ...он... мой...

...по праву долга...

— Нет! — Аделина шагнула между ними, и пространство мгновенно заколыхалось.

Она ничуть не чувствовала себя смелой — скорее отчаянной.

Но тень вдруг остановилась. Отступила на шаг. Словно Нечто удержало её.

— ...ты... мешаешь... — шипение стало злее.

Аделина почувствовала странный жар в груди. Не её. Чужой. Светлый.

И тогда откуда-то сверху, откуда-то из воздуха над коридором, опустилась тонкая, сияющая линия — как лезвие света.

Тень взвыла. Коридор задрожал. Аделина упала на колени.

Свет расширился, становясь шире, ярче... и тьма пятясь от него, как зверь от огня.

Но перед тем как исчезнуть, тень успела прошептать:

— ...он принадлежит мне...

...и ты... тоже...

Коридор взорвался светом. И Аделина очнулась в кровати — с криком, с дрожью, захватываясь, как после бега. Грейм сидел на груди Алексея, прижимая его лапами — будто удерживал его в теле. А воздух в комнате был наполнен едва заметным золотым свечением. Но это был *не Левиан*. Этой вибрации она никогда не чувствовала. Она знала — кто только что вмешался.

Но это — глава 10.

ГЛАВА 10. ТОТ, КТО ХОДИТ В СВЕТЕ

Комната всё ещё хранила золотистый след — тонкий, как туман, который не рассеивается даже тогда, когда дверь открыта настежь. Этот свет был не ламповым, не электрическим... он был *живым*.

Алексей дышал ровнее — дыхание стало глубже, крепче, будто кто-то удерживал его душу от падения. Грейм сидел на груди мужа, напряжённый, но спокойный, как страж, который знает: ночь уже повержена, но битва ещё впереди.

Аделина медленно поднялась, чувствуя, как дрожат ноги. Сон был не сон — он был дверью. И то, что вошло через дверь, оставило след в воздухе.

Свет становился ярче. Он растекался так плавно, будто его выливали из невидимой чаши. Стены задрожали от его присутствия — не физически, а энергетически, будто дом не был готов выдержать такой уровень силы.

Грейм резко повернул голову к углу комнаты.

— Там? — прошептала Аделина, хотя ответа не ждала.

И в этот момент воздух... разорвался.

Не звуком — давлением. Как будто между стенами лопнуло пространство, и его заполнил не свет, а сама сущность света.

Сначала стало ослепительно. Зрение отказывалось воспринимать происходящее — мир превратился в белое сияние, настолько яркое, что казалось: обожжёт кожу. А потом — свет начал собираться. Как пламя, которое выдувают обратно в форму. Как туман, который собирается в фигуру. И перед ней возник Он.

МИХАЭЛЬ.

Не мужчина. Не человек. И не образ из церковных икон. Он был... силой.

Высокий, выше любого мужчины, что она знала. Плечи — широкие, будто вырезаны из света. Крылья... не белые и не пушистые — нет. Они были как разрезы света, как две огромные сияющие пластины, уходящие вверх, будто в другой мир.

Аура вокруг него вибрировала — как тончайший металл, нагретый до бела. Его глаза... О Господи.

Они светились голубым пламенем — чистым, ярким, бесконечно глубоким. Не небесным — а боевым, готовым разрезать любую тьму. Лицо было не человеческим, но прекрасным. Резкие черты, сильная линия челюсти, высокие скулы — словно древний воин, рождённый не на земле.

Одно движение его головы — и воздух дрогнул, будто пространство почтительно отступило.

Аделина не могла дышать. Она стояла, как прикованная.

Грейм — наоборот — прижался к полу, склонив голову, будто признавая его власть. И тогда Михаэль заговорил. Голос был низким, глубоким, вибрирующим так сильно, что звучал сразу в пространстве и внутри её груди.

— Не бойся.

Ты видела тень.

Теперь ты должна увидеть свет.

Его слова не были громкими — но они наполняли комнату, как гром, который вошёл под крышу дома.

Аделина едва выдавила:

— Ты...

Ты Михаэль?

Он кивнул.

— Да.

Тот, кто стоит на границе. Тот, кто приходит, когда миры открываются. Тот, кто хранит тех, кто ещё не понимает своей силы.

Он сделал шаг вперёд. Пол под его ногами светился.

— Ты позвала меня сердцем, Аделина.

Не голосом. Не молитвой. А чистым желанием защитить.

Слёзы сами выступили на её глазах — не от страха, а от того глубинного чувства, когда душа узнаёт того, кого всегда знала.

— Почему... почему ты пришёл только сейчас?

Михаэль посмотрел на неё — взглядом, в котором было и сострадание, и сила, и древнее знание.

— Потому что ты перешла черту.

Тень коснулась твоего мужа. Она коснулась тебя. И теперь ты — больше не наблюдатель.

Ты — участник. Ты — часть войны, которая длится дольше, чем человеческая память способна вместить.

Он обвёл взглядом комнату. Тень в каждом углу дрогнула и отступила, будто боялась быть замеченной.

— Твой дом теперь на линии удара.

Твой род — в центре узла.

И твой дар — в точке пробуждения.

Аделина шагнула ближе, чувствуя, как ноги деревенеют под ней.

— Я не знаю, что делать...

— Узнаешь, — сказал Михаэль. — Я пришёл, чтобы научить.

Он протянул руку. Не касаясь её — но она почувствовала жар, будто солнечный луч коснулся сердца.

— И знай... ты не одна.

Я здесь. Левиан — по-своему, тоже рядом. И ещё кто-то — кто придёт позже.

Слова его были как молот, разбивающий камень. Как обещание, данное не человеку — а судьбе.

Михаэль приблизился. Свет вокруг него стал ярче.

— Сейчас слушай внимательно, Аделина.

Она подняла взгляд.

— Тень выбрала твоего мужа.

Но свет — выбрал тебя.

И это означает только одно:

Ты — та, кто решит судьбу обоих.

Комната вспыхнула белым сиянием, как если бы в неё вошёл рассвет. И прежде чем свет рассеялся, Михаэль произнёс последнее:

— Это только начало. Тьма придёт снова. Но теперь — ты не будешь стоять перед ней одна.

Когда свет погас, комната стала тёмнее и тише. Алексей спал спокойно. Грейм расслабился. И только Аделина стояла посреди комнаты и понимала:

Она теперь — не просто жена, не просто женщина, не просто медиум. Она — связующее звено между двумя мирами. И впереди — путь, от которого нельзя уйти.

ГЛАВА 11. ВСТРЕЧА ТЕХ, КТО ХОДИТ РАЗНЫМИ ДОРОГАМИ

Ночь в доме стала иной после ухода Михаэля. Не тише — глубже. Будто стены привыкли к присутствию чего-то необычайно сильного и теперь не могли вернуться в прежнюю форму.

Алексей спал крепко, впервые за последние дни дышал ровно, без судорожных всхлипов, которые тень оставляла на его снах. Грейм дремал на подоконнике, но одно ухо было постоянно настороже.

Аделина сидела на полу, прислонившись спиной к кровати. Она до сих пор ощущала тепло Михаэля — не на коже, а где-то глубже, под рёбрами, там, где сердце хранит память о присутствии света.

Но по комнате уже начал расплзаться другой запах. Нежный. Лёгкий. Смутно знакомый. Запах холодного воздуха, смешанного с ароматом старых книг и ночного ветра. Запах, который она впервые почувствовала на улице среди падающего снега. Запах Левиана. Она подняла голову. И увидела его.

Он стоял в дверном проёме — высокий, спокойный, неподвижный, как тень, которая решила стать человеком. Пальто его слегка блестело от инея, будто он пришёл прямо из зимы. Глаза — один стальной, другой зелёный — не скрывали напряжения. В комнате, где только что сиял свет Михаэля, присутствие Левиана ощущалось как удар холодного воздуха.

— Я пришёл убедиться, что ты жива, — тихо произнёс он.

Голос был ровным, но под поверхностью слышалось что-то похожее на раздражение. Или тревогу. Аделина поднялась на ноги.

— Я жива, — ответила она. — Благодаря тому, кто... пришёл.

Зелёный глаз Левиана вспыхнул.

— Свет не должен был вмешиваться, — сказал он почти шёпотом. — Это было не его место.

Аделина нахмурилась.

— Я чуть не потеряла мужа, Левиан. Тень была в шаге от того, чтобы забрать его. Ты говоришь, будто это... проблема?

Он сделал шаг вперёд. Тень позади него вытянулась, как будто следовала за ним живой змейкой.

— Проблема в том, — произнёс он медленно, — что если свет пришёл... значит, ситуация вышла из-под контроля. Даже для меня.

Аделина хотела спросить, что он имеет в виду, но воздух в комнате вдруг изменился. Плотно. Густо. Слишком ярко. Будто свет ворвался обратно. И он действительно ворвался. Сначала — вспышка, похожая на отражение луны на воде. Потом — легкая вибрация воздуха. И наконец — фигура.

Он появился не как человек. Не как тень. И не как мысль. Он появился **как свет**, медленно сжимаясь до формы человеческого тела. Михаэль. Он стоял теперь напротив Левиана — высокий, сияющий, словно сотканный из холодного огня. И впервые Аделина увидела на его лице — не спокойствие. Не мягкость. А что-то похожее на предупреждение. Левиан замер. Михаэль заговорил первым.

— Тебя не должно быть здесь.

Голос был глубоким, как звук медного колокола, который бьют изнутри. Левиан поднял голову, его взгляд стал холоднее обычного.

— И тебя тоже, Михаэль. Ты переступил границу.

Михаэль сделал шаг вперёд, тени от его крыльев дрогнули по стенам.

— Я пришёл, потому что тень коснулась того, кто связан с ней. Ты знал, что это случится раньше или позже.

— Но не сейчас! — резко бросил Левиан. — Не в этом доме! Не с ней!

Он указал на Аделину.

Михаэль повернул голову, его взгляд был ярким и оценивающим.

— Она избрана дорогой, которой обязана пройти. Ты это знаешь.

Левиан шагнул вперёд так резко, что свет в комнате на секунду потускнел.

— Она не должна страдать, — сказал он тихо. — Не так. Не сейчас.

Михаэль слегка наклонил голову.

— Ты слишком привязался.

В этот момент воздух между ними стал плотнее, как натянутая струна. Левиан не отводил взгляда.

— Я привязан к тому, что она должна выжить. Ты — к тому, чтобы она прошла.

Михаэль прищурил глаза. Взгляд его стал похож на луч света, который режет тьму.

— Разница невелика.

— Велика, — прошипел Левиан. — Для тех, кто живёт человеческой жизнью.

Именно в этот момент Аделина поняла: они не враги. Но они — не друзья. Они — две силы, стоящие по разным сторонам реальности, и обе — претендуют на неё.

— Хватит, — произнесла она, шагнув вперёд.

Оба повернули головы. Она почувствовала силу их взглядов на себе — разные, противоположные, но одинаково мощные.

— Хватит говорить так, будто меня здесь нет, — произнесла она ровно. — Объясните. Оба. Чётко. Кто вы.

И почему — я?

Михаэль заговорил первым:

— Ты — та, кто связан со светом.

Левиан — вторым, почти одновременно:

— Ты — та, кто связан с тенью.

И оба — в унисон:

— И ты — та, кто может развязать узел.

Тишина повисла тяжёлой завесой.

А потом Михаэль продолжил:

— И ещё...

Он посмотрел на Левиана.

— Он не сказал тебе главного.

Левиан напрягся.

Михаэль повернул взгляд к Аделине.

— Вы связаны не только здесь. Но и через время. Через пространства. Через прошлые жизни.

Аделина почувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Как... связанные? — прошептала она.

Михаэль ответил:

— Он был рядом с тобой, когда тень впервые коснулась твоего рода. Он пытался защитить тебя. И теперь — снова здесь. Потому что ты — та, кого он не смог спасти тогда.

Тишина стала ледяной. Левиан отвернулся, но не сделал ни шага прочь.

— Это было давно, — тихо произнёс он. — Слишком давно.

Михаэль ответил спокойно:

— Для нас время не меняет сути.

Аделина смотрела на них — два существа, которые не принадлежат её миру, но оба связаны с ней так, как никто из людей.

— И что теперь? — спросила она, голос был тихий, почти треснувший.

Михаэль сделал шаг вперёд.

— Теперь, Аделина, тебе предстоит выбор. Кому из нас ты позволишь вести тебя дальше.

И этот выбор — опаснее любой тени.

ГЛАВА 12. ВЫБОР

Комната стала слишком маленькой для трёх присутствующих. Свет, исходящий от Михаэля, наполнял пространство холодным сиянием — чистым, ясным, почти режущим.

Тень, следовавшая за Левианом, была мягкой, глубокой, напоминающей ночь перед снегопадом.

И между ними — Аделина. Человек. Живая. Уязвимая. Та, чьи решения могли изменить равновесие.

Ощущение было такое, будто её внутренний мир треснул пополам — и обе половины смотрели друг на друга через неё.

Михаэль первым нарушил тишину — голос был мягким, но глубоким.

— У каждого есть путь. Но не каждый готов идти по своему. Твой путь — светлый. Он трудный, но справедливый.

Левиан ответил почти сразу — слова его были тихими, но насыщенными эмоцией.

— Свет всегда говорит о долге. Но он редко говорит о цене. А путь тьмы... не всегда зло. Тьма — это глубина. Интуиция. Защита. Ты чувствуешь её, Аделина. Всегда чувствовала.

Она перевела взгляд с одного на другого — два мира, два разных дыхания.

Левиан — холодный, ночной ветер, в котором есть опасность, но и бесконечная честность.

Михаэль — нестерпимо яркий рассвет, который может оживить или ослепить.

— Я не понимаю, — прошептала она. — Разве я должна выбирать между вами?

— Должна, — ответили оба одновременно.

Слово это ударило в грудь.

Грейм замер под столом — глаза его поблёскивали янтарём, он смотрел на неё так, будто тоже знал ответ... но не имел права вмешиваться.

Михаэль поднял руку — свет от ладони мягко наполнил воздух.

— Если ты пойдёшь за мной, — произнёс он, — я дам тебе силу света. Ты увидишь правду. Ты сможешь бороться с тенью открыто. Ты станешь тем, кто исцеляет. Тот, кто рвёт цепи узлов. Тот, кто останавливает разрушение.

Он приблизился — его присутствие было как дыхание горы: чистое, холодное, вечное.

— Но ты потеряешь часть своего сердца, — тихо добавил он. — Я не могу позволить тебе идти туда, где чувства могут разрушить тебя. Тебе придётся закрыть дверцу, которую ты не сможешь открыть снова.

Её сердце дрогнуло. Ударилось о рёбра. Не о чувства — о человека. О Левиана.

Тот стоял в тени, и от него исходило что-то другое — не холод, а внутреннее тепло, как от тлеющего угля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.